

Н.О. МАССАЛИТИНОВА: ВЗГЛЯДЫ И ВЛИЯНИЕ ПРЕДСТАВИТЕЛЯ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В.С. ПИРУССКОГО НА ПРАКТИКУ С.Т. ШАЦКОГО

*Исследования ведутся в рамках выполнения проекта РФФИ №11-06-00160а
«Критерии самоорганизации информационных систем».*

Впервые установлено, что в конце XIX – начале XX в. на основе идей и практики В.С. Пирусского в Томске сложилась авторитетная педагогическая школа, объединявшая сотрудников Томского общества содействия физическому развитию. Значимым представителем этой школы была Н.О. Массалитинова, которая успешно занималась социальной педагогикой в Томске и Москве. На основании её воспоминаний и архивных источников автором предпринята попытка реконструкции влияния педагогического опыта томского доктора В.С. Пирусского на практику выдающегося столичного педагога С.Т. Шацкого.

Ключевые слова: Владислав Станиславович Пирусский; Надежда Осиповна Массалитинова; Станислав Теофилович Шацкий; социальная педагогика; история педагогики.

Важнейшая задача истории педагогики, очевидно, состоит в том, чтобы помочь достойным, но не всегда достаточно известным деятелям прошлого, а также их авторским школам «проявиться» в непрерывном развитии педагогической теории и практики. По отношению к томищу Владиславу Станиславовичу Пирусскому (1857–1933) эта задача не особенно сложна. Значимость опытов «сибирского Лесгафта» в конце XIX – начале XX в., безусловно, выходила за границы томского региона. Тезис доказывается тем, что именно в Томское общество содействия физическому развитию обращались за консультациями иногородние энтузиасты-физкультурники – из Москвы, Петербурга, Полтавы, Уфы, Анапы, Харбина [1. С. 30]. Но основным подтверждением общегосударственного масштаба трудов В.С. Пирусского следует считать зарождение и развитие уникальной *педагогической школы*, авторитетной и влиятельной не только в сибирских городах, но и в Москве.

О состоявшейся реализации идей В.С. Пирусского на уровне *школы* свидетельствует множество индикаторов: формирование устойчивой группы последователей и единомышленников, в числе которых Н.Н. Бурденко, впоследствии академик АН СССР, известные педагоги Н.О. Массалитинова (Масалитинова), М.В. Лянге, В.О. Болдырев и др.; наличие собственного периодического издания «Здоровье для всех»; систематичность проведения курсов повышения квалификации для представителей школы, в частности для инструкторов-физкультурников и воспитателей; последовательная и успешная апробация педагогических установок томского доктора в различных структурах – от детских колоний до внешкольных учреждений.

В более ранних публикациях о докторе В.С. Пирусском созданные им коллективы воспитателей, инструкторов спортивных площадок, попечителей и других энтузиастов образовательной и физкультурно-оздоровительной работы никогда не рассматривались как педагогическое сообщество, которое сложилось на основе общности представлений о целях, методах и формах сохранения здоровья людей, понимаемого в качестве широкой социальной категории.

Уместно привести здесь слова Владислава Станиславовича, иллюстрирующие теоретические воззрения данного сообщества: «Задачи культуры человечества

заканчиваются в стремлении достигнуть возможного нравственного, умственного и физического совершенства, – в стремлении личности сделаться возможно более *человеком*, существом цельным, т.е. здоровым волей, чувствами, умом и телом» [2. Л. 4]. Оптимизм доктора Пирусского в вопросах реалистичности оздоровления (в широком плане) населения имел некоторые основания. Несмотря на то что на рубеже XIX–XX вв. популярнейшей у городской аристократии и интеллигенции оставалась фраза «мне дурно», а особым шиком почитались «бледность, обмороки и слёзы» [3. С. 34], в эти же годы постепенно набирает популярность гимнастика Мюллера, а в сознание населения куда быстрее, чем в медицинскую и педагогическую литературу, возвращается суворовское «в здоровом теле – здоровый дух». По этому поводу сам В.С. Пирусский саркастически указывал, что перемена «воспитательного направления» с одностороннего умственного развития в сторону физкультуры произошла без «справления» с мнением врачей о том, вредно это или полезно. Еще один интересный факт: В.С. Пирусского как новатора иногда представляют в качестве «медика-педагога», далекого от классической педагогической традиции. Однако тексты Владислава Станиславовича однозначно говорят о глубоком знании трудов зарубежных (Я.А. Коменский, М. Монтень) и отечественных (К.Д. Ушинский, П.Ф. Лесгафт) специалистов в области воспитания, с которыми он, безусловно, знакомил и своих коллег-воспитателей.

В чём же значимость воздействия авторской школы В.С. Пирусского на российскую педагогику? Возможный ответ на данный вопрос даёт изучение опыта Надежды Осиповны Массалитиновой (Масалитиновой) (1876–1921). Педагог Н.О. Массалитинова, работавшая под руководством В.С. Пирусского, отличалась тщательностью и скрупулезностью в делах воспитания. В современной научной и справочной литературе (например, в «Педагогическом энциклопедическом словаре» Б.М. Бим-Бада) она традиционно рассматривается как последователь П.Ф. Лесгафта и (с 1913 г.) сотрудник московского педагога С.Т. Шацкого, однако замалчивается тот факт, что до 1913 г. Надежда Осиповна трудилась под началом доктора Пирусского в Томске, работала в колониях и на детских площадках, является автором

книг «Сборник подвижных игр» и «Площадки для подвижных игр в городах Америки, Европы и России». Следует подчеркнуть, что в группу С.Т. Шацкого – начинающего талантливого энтузиаста – Н.О. Массалитинова пришла опытным и методичным специалистом, критически воспринимавшим его склонность к спонтанности и «неконструктивному демократизму». Вероятно, её идеал – организация детско-взрослого взаимодействия семейного типа с усиленным вниманием к физкультурно-оздоровительной работе. Эта целевая установка характерна для всех представителей педагогической школы В.С. Пирусского.

Психолого-педагогические взгляды Н.О. Массалитиновой как типичного представителя школы Пирусского охарактеризованы в воспоминаниях С.Т. Шацкого: «Она была горячей противницей легкого подхода к делу, быстрых достижений, предвзятости суждений. Надежда Осиповна любила подводить фундамент под новые идеи, проверять кажущуюся ясность... К занятиям своим она готовилась с великой тщательностью. С детьми она охотно занималась физической работой, в которой её сильно интересовала “гимнастика жизненных движений”» [4. С. 212–213]. Обобщая, следует сделать вывод, что превыше всего Н.О. Массалитинова ценила определенность и проверяемость педагогического результата.

Напротив, непрочность профессионально-педагогического статуса С.Т. Шацкого, который, в отличие от томика В.С. Пирусского, постоянно вызывал недовольство чиновников всех мастей, сама по себе располагала к «обтекаемости» целей руководимых им обществ и клубов, которые могли быть закрыты в любой момент. Неконкретна цель, указанная, например, в уставе общества «Сетлемент» (1906): «...содействовать удовлетворению культурных и общественных потребностей... обращая особое внимание на врачебно-воспитательную работу (в словосочетании заметно влияние Н.О. Массалитиновой. – В.Л.) среди подрастающего поколения». Расплывчатость, вероятнее всего, была намеренной. Как говорил по данному поводу А.У. Зеленко: «Чем устав наш туманнее и неопределеннее, тем лучше, так как наша работа тогда не будет стеснена и ограничена администрацией» [4. С. 91]. В этой связи складывается впечатление, что для С.Т. Шацкого процесс свободной работы с детьми был поначалу важнее четкости планирования и результата, что подтверждает и мнение А.А. Фортунатова, назвавшего «главное правило» в клубах «Сетлемента»: «Ребята вполне свободны, делают что хотят, но взрослые должны на них всячески влиять» [4. С. 93–94].

Сравним аморфную теоретическую базу «Сетлемента» с некоторыми воспитательными установками томской дачной колонии, в которой Н.О. Массалитинова «заведовала» группой [5]. При сопоставлении организационно-педагогических установок данных практик мы учитываем, что отчет Надежды Осиповны о томских опытах появился несколько позже материалов, проливающих свет на деятельность «Сетлемента». Однако такое сравнение остается справедливым, так как Н.О. Массалитинова описывала не впервые опробованные, а применяемые с конца XIX в. формы и методы работы томских педагогов с детьми-колонистами,

получившие к этому времени четкое теоретическое обоснование. Также для уточнения контекста поясним, что если рассматривать колонию на рубеже XIX–XX вв. как прообраз современного оздоровительного лагеря, то группу правомерно считать аналогом отряда, а заведующего, соответственно, вожатым. Итак, коллектив воспитателей видел колонию целостным «санитарно-воспитательным» учреждением. В целях стандартизации оздоровительно-воспитательных эффектов от пребывания детей в колонии с первого дня в ней устанавливался общий распорядок дня, единый для всех групп. Личные инициативы заведующих группами допускались только в рамках этого общего распорядка.

Интересно, что с молчаливого согласия воспитателей распорядок дня выступал хотя и ориентиром, но не догмой жизни колонии. Например, в расписании мытьё ног назначалось до ужина, но, как вспоминала Н.О. Массалитинова, это не удавалось, поскольку всегда затягивались игры.

Надо отметить, что среди сотрудников С.Т. Шацкого только Надежда Осиповна, не ограничившись простым описанием клубной демократии, критически оценила эту форму детско-взрослых взаимоотношений. В письмах В.С. Пирусскому чувствуется несогласие Н.О. Массалитиновой с беспорядочным парламентаризмом, который, по её мнению, был навязан детям. На фоне восторженных откликов С.Т. Шацкого об эффективности демократии в качестве регулятора жизнедеятельности клубов высказывания Надежды Осиповны весьма скептически: «Сотрудник *как бы* (курсив наш. – В.Л.) помогает детям вести заседания, но не может давить на их решения... [Но] в младших группах (10–15 лет) он, собственно, фактически ведет заседания, особенно у девочек, вообще довольно вялых...» [4. С. 96]. Полную убежденность в недостаточности педагогических возможностей детской демократии парламентского типа Н.О. Массалитинова обрела во время посещения многочисленных «заседаний», составлявших важную часть жизни клубов. В мягких, интеллигентных выражениях Надежда Осиповна сформулировала однозначный приговор воспитательной системе «Сетлемента»: «Я вынесла впечатление, что это не заседание, а игра в заседание... Кое-какие внешние приемы парламентаризма у них есть, но истинной внутренней дисциплины нет... Я всё время чувствовала какую-то внутреннюю фальшь...» [4. С. 97–98].

Видение Н.О. Массалитиновой проблемы субъектности детско-взрослого взаимодействия представляется более взвешенным, чем у С.Т. Шацкого, допускавшего явный перекося в сторону поощрения свободной инициативы детей и редуцирования организующего начала взрослых в условиях недостаточной способности воспитанников к самоорганизации. Поэтому нельзя не согласиться с Н.О. Массалитиновой в том, что в молодом коллективе «Сетлемента», не обладавшем ещё устойчивыми традициями, вряд ли стоило уничтожать «внутренний авторитет старшего». Как справедливо считала Надежда Осиповна, учитель, даже становясь другом и товарищем, должен все-таки оставаться учителем. Надо сказать, что мнение Надежды Осиповны почти дословно предвосхищает официальную критику деятельности «Сетлемента» со стороны Московского

особого присутствия по делам об обществах и союзах: «Авторитета старших для детей не существует. Здороваются за руку, обращаются донельзя фамильярно. Детям ни в чем нет запрета, никто, кроме сродки, не может даже сделать им замечание» [4. С. 100–101]. В томских колониях, равно как и в школе-манеже «Развитие», основанной несколько позже всё тем же В.С. Пируским, подобные отношения между воспитателями и детьми попросту не допускались, что подтверждается воспоминаниями сотрудников.

Кстати, при изучении наследия Н.О. Массалитиновой читатель должен опасаться неверного истолкования её не особенно подробных высказываний и, как следствие, возникновения искаженного понимания воспитательных установок педагогической школы В.С. Пируского. Очевидно, что сотрудники Владислава Станиславовича, как и он сам, уделяли всё свободное время практической работе, а не текстовому обобщению и представлению собственного опыта. Поэтому отдельные действительно «чеканные» формулировки представителей данной школы, рассмотренные вне контекста, дадут совершенно неправильное представление о сущности убеждений воспитателей. Скажем, среди идей Н.О. Массалитиновой встречается такая мысль: «Природа – лучший воспитатель ребенка, а на долю воспитателя остается скромная, но трудная роль содействовать этой природе». На первый взгляд, педагогической новизны в этом афоризме нет, ведь принцип природосообразности, смысл которого, казалось бы, воспроизводит Надежда Осиповна, известен уже несколько столетий.

Идеи природосообразности, которые активно разрабатывал, например, Ж.-Ж. Руссо, сегодня выглядят неоднозначными, и при критике их воображаемой интерпретации Н.О. Массалитиновой возникает соблазн саркастически повторить вслед за А.С. Макаренко: «[Педагогическими апологетами природосообразности] предполагалось, что [ребенок] обладает способностью к саморазвитию, не нужно только ему мешать. На самом деле в условиях чистой природы вырастало только то, что естественно могло вырасти, то есть обыкновенный полевой бурьян...» [6. С. 557]. Однако анализ причин появления высказывания Н.О. Массалитиновой говорит о том, что она отнюдь не разделяла взгляды великого французского мыслителя, а, напротив, очень прагматично анализировала воспитательные эффекты, обусловленные жизнью детей на природе. Утилитарность её отношения к влиянию природы на воспитанников прослеживается в ряде доминант деятельности педагогического коллектива, в котором она пользовалась значительным авторитетом: в организации здорового питания детей и правильного режима дня, в соблюдении гигиенических требований, в приучении ослабленных городских школьников к двигательной активности в игровой форме, а также к гимнастике. На этом серьезном теоретическом фоне случайными кажутся эпизодические восторги Надежды Осиповны по поводу «великолепных закатов и рассветов» в духе эстетической педагогики В.А. Сухомлинского.

Сравнивая реализацию педагогических установок воспитательных коллективов В.С. Пируского и

С.Т. Шацкого, нельзя обойти вниманием вопрос о физическом труде. Известно, что Станислав Теофилович говорил о полезности для детей преимущественно *образовательного* труда, при этом сельскохозяйственный (т.е. производительный) труд колонистов оставался чрезвычайно важным для выживания его колоний, не избалованных помощью меценатов. Иное дело – колонии В.С. Пируского, финансируемые из самых разных источников, от крупных пожертвований и «кружечных сборов» до адресной поддержки Томской городской думы.

В дачных колониях Томского общества содействия физическому развитию не было систематического физического труда в определенные часы. Воспитатели, как правило, не видели жизненной необходимости в регулярной работе детей (кроме самой необходимой, например, на дежурствах) в непостоянно действующей колонии. Надо сказать, что возможности организовать целенаправленную работу детей у воспитателей, несомненно, имелись, так как томские колонисты, в отличие от воспитанников С.Т. Шацкого, были приучены к строгой дисциплине, охотно соблюдали различные гигиенические и поведенческие правила. Как вспоминала сама Н.О. Массалитинова: «В 7 часов 25 минут, когда я выносила флаг, каждая группа выстраивалась перед своим баракком» [7. С. 105]. Намного больше внимания, чем труду, как и следовало ожидать от представителей школы доктора Пируского, Надежда Осиповна и другие педагоги уделяли гимнастическим упражнениям с детьми, выполнение которых, по их наблюдениям, давало оздоровительные и дисциплинирующие эффекты, и даже, в определенной степени, компенсировало отставание в умственном развитии.

При этом сотрудники Пируского ни в коем случае не возражали против регулярного физического труда воспитанников в постоянной колонии, где трудовая деятельность будет занимать «необходимое и почетное место». По мере обзаведения колоний Томского общества имуществом доля труда детей закономерно возрастала, но работали колонисты исключительно в интересах повышения качества собственного проживания. Например, с 1897 г. в Басандайской колонии (ныне железнодорожная станция Межениновка) силами детей и воспитателей развивалось упорядоченное сельское хозяйство хуторского типа, с десятками коров, лошадей и пасекой, требовавшее немалых сил для обслуживания. Однако дети-колонисты никогда не трудились больше трех-четырех часов в день. Огородничество, включавшее посадку редиса, моркови и гороха, имело в основном воспитательное значение, ведь воспитатели старались так организовать работу, чтобы дети успели увидеть её результаты в течение своей смены.

Ограниченность воспитательно-оздоровительных возможностей сезонных колоний в полной мере осознавалась и самим доктором Пируским, и его товарищами. Как вдохновенно и образно писала об этом Н.О. Массалитинова: «Упорно и неизбежно мысль возвращается к постоянной колонии. Только в ней получают всходы тех драгоценных семян, которые Общество СФР (содействия физическому развитию. – В.Л.) разбрасывает на летние колонии. В общем тяжелом

круговороте жизни законны и необходимы и эти однолетние растения. Но пора приступить к посадке и уходу за многолетними!» [7. С. 119]. Отметим, что в начале второго десятилетия XX в. такая колония была открыта Обществом под руководством В.О. Болдырева и М.В. Лянге, а в дальнейшем аналогичное, в сущности, заведение было создано и С.Т. Шацким.

Наконец, в качестве завершающего штриха, иллюстрирующего возможное влияние идей педагогической школы В.С. Пирусского на практику С.Т. Шацкого, сопоставим процессы становления руководимых ими томских и московских социально-образовательных структур. Колонии Томского общества содействия физическому развитию появляются в 1896 г., и только через 15 лет (к 1911 г.) именно к такой форме работы с детьми приходит С.Т. Шацкий, организовавший сельскохозяйственную трудовую колонию «Бодрая жизнь». Представляется, что концептуализация (не путать с простым описанием опыта) педагогических установок этой колонии С.Т. Шацкого, не обеспеченной в достаточной мере финансами и подготовленными кадрами, должна была проходить медленнее, чем в материально благополучных колониях В.С. Пирусского, к моменту основания «Бодрой жизни» уже обладавших прочными педагогическими традициями и опытными коллективами воспитателей. Однако история не подтвердила данное предположение. Уже в 1919 г., через восемь лет после начала работы «Бодрой жизни», в Калужской губернии под руководством С.Т. Шацкого начинает функционировать сельское отделение Опытной станции Наркомпроса, теоретическая платформа которой отличалась глубиной и проработанностью, возможной только при условии творческого осмысления и заимствования уже осуществленных педагогических идей. Отметим при этом, что новое детище С.Т. Шацкого было нацелено не только на социализацию посредством трудовой деятельности, но и на образование детей.

Путешествие педагогических интересов С.Т. Шацкого от досуговой и социализирующей практики на основе самоуправления к преимущественно образовательной «станционной» работе в 1919 г. кажется внезапным... если не знать, что в 1918 г. в журнале «Здоровье для всех» вышла статья В.С. Пирусского «О школе-

колонии» [8], в которой он признал высшей ступенькой эволюции детских колоний *школу-колонию*, сочетающую благотворное влияние *образования и природы* [9. С. 64]. Отнюдь не имея цели умалить личные достижения Станислава Теофиловича как выдающегося энтузиаста и педагога, необходимо констатировать явное влияние на жизнь Опытной станции оздоровительных идей доктора Пирусского, с которыми С.Т. Шацкий был знаком через Н.О. Массалитинову. К примеру, С.Т. Шацкий, вероятнее всего, воспринял идеи педагогов школы В.С. Пирусского об оздоровительных эффектах пребывания детей и подростков на природе, а также о необходимости внедрения образовательной работы в колониистскую реальность. Как писала Н.О. Массалитинова о деятельности С.Т. Шацкого в Калужской губернии: «А работа-то там идет в сущности живее и сильнее – природа тому способствует» [4. С. 153].

Кроме того, среди личных бумаг В.С. Пирусского нам удалось обнаружить тезисы отчетного доклада Первой опытной станции Наркомпроса [10], в которых природа рассматривается в качестве *естественной* среды, «приспособление» к которой, наряду с социальной адаптацией, позволяет ребенку гармонично развивать свои силы. Если вспомнить, что С.Т. Шацкий начинал работать преимущественно с категорией *социальной* среды как места воспитания и социализации («Сетлемент»), то реализованное им в позднейшей практике понимание среды как совокупности не только социальных, но и *природных* влияний, действительно, стало новым словом в отечественной педагогике. Другое дело, что еще за год до открытия Опытной станции об аналогичной концепции написал доктор Пирусский... В этой связи можно высказать осторожное предположение, что в работе Первой опытной станции Наркомпроса С.Т. Шацкий использовал, наряду с собственными, более ранние идеи В.С. Пирусского об открытии школы-колонии, которые самому томскому доктору и педагогу внедрить и апробировать так и не удалось. Вышеизложенное требует дальнейшего анализа влияния педагогической школы В.С. Пирусского на работу С.Т. Шацкого, однако сам факт наличия такого влияния можно считать вполне доказанным.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иконников С.К. Летопись томского спорта. Страницы истории в фотографиях конца XIX – начала XX века : историко-документальное издание. Томск : Дельтаплан, 2011. 420 с.
2. Пирусский В.С. О целиности направления в общественном воспитании // Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 438. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–6.
3. Любецкая Т.Л. Братья Аркадьевы. М. : Терра-Спорт, 2000. 240 с.
4. С.Т. Шацкий: работа для будущего: Документальное повествование : книга для учителя / сост. В.И. Малинин, Ф.А. Фрадкин. М. : Просвещение, 1989. 223 с.
5. Массалитинова Н.О. Жизнь в колонии моей группы // ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 587.
6. Макаренко А.С. Педагогическая поэма // Сочинения в 7 т. М. : АПН РСФСР, 1957. Т. 1. 784 с.
7. Иконников С.К. Доктор Пирусский. Томск : Издательский дом «D'Print», 2005. 371 с.
8. Пирусский В.С. Хроника. О школе-колонии Томского общества содействия физическому развитию // Журнал «Здоровье для всех». 1917. № 2. С. 28–30 // ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 10. Л. 17–18.
9. Лобанов В.В. Историко-педагогический анализ новаторских оздоровительно-воспитательных практик В.С. Пирусского в Томской губернии конца XIX – начала XX в. // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2013. № 4 (132). С. 60–65.
10. Пирусский В.С. Педагогическая сущность. Тезисы доклада 1-й опытной станции // ГАТО. Ф. 438. Оп. 1. Д. 84. Л. 1–2.

Статья представлена научной редакцией «Психология и педагогика» 6 июля 2013 г.